

Наталия ЧЕРНЫХ

ЖИВОРОЖДЕННЫЙ ДОМ

Гала Пушкаренко. Гефсиома (*сериальная поэма-деконструкция*) // *Флаги*. 2021. № 11 https://flagi.media/page/3/online_issue/18#piece299

Гала Пушкаренко. Изолирующая абстракция // *Солонеба*. 04.11.21. <http://soloneba.com/gala-pushkarenko-2/>

Гала Пушкаренко. Жанр пеплум // *Артикуляция*. 2021. № 16. <http://articulationproject.net/16-25-07-2021>

Олег Шатыбелко. Федератив. Стихи Галы Пушкаренко. – С.: ЛитГОСТ, 2021. – 50 с.

Invalid acid: Недопустимая кислота. Гала Пушкаренко. – М.: Арго-Риск, – 2020. – 44 с. – (Серия «Воздух»).

2021 год для Галы Пушкаренко был щедрым и на тексты, и на внимание к ним. Публикации новых текстов в таких разных по эстетике и концепциям изданиях, как «Флаги» и «Солонеба», включая «Артикуляцию» (которую я считаю для сегодняшнего литературного процесса базовым сетевым изданием). Активность автора может насторожить, но автор того стоит.

«Гефсиома», опубликованная во «Флагах», №11, определена автором как «сериальная поэма-деконструкция», то есть – вирус, запущенный в жанр поэмы, и в результате его работы и изменения материала (изменение тут второе слагаемое, без которого сумма невозможна) возникло вот это «сериальное». Сам «синтетический» неологизм (а не натуральный, то есть – не подходящий под базовое определение неологизма, но выглядящий таковым; если хотите – симулякр) «Гефсиома» создает характер всего текста. Это яркое, драматичное, полное экспрессии слово. Мне кажется, лучшее в современной поэзии – именно экспрессия, а не ее имитация. И тем не менее «Гефсиома» создана как поэма.

С «Гефсиомой» перекликается «Жанр пеплум», опубликованный в «Артикуляции», №16. Здесь та же попытка деконструкции жанра. «Изолирующая абстракция», опубликованная в «Солонеба», написала в том же ключе, но более плотная и стилистически отличается, она ближе к свободному стиху прошлого века.

Книга стихотворений «Федератив», изданная ЛитГОСТом (2021), довольно сильно отличается от того стиля Галы Пушкаренко, к которому привыкли ее читатели. Это своего рода «акустическое зеркало» предыдущих книг. Вот что пишет о «Федеративе» Константин Чадов: «“Федератив”, похоже, представляет собой более замкнутое образование, которое теоретизирует новый формат сборника и сам опыт его восприятия. Книга состоит из пяти циклов, которые, однако, не отделены друг от друга четко – там и тут на протяжении сборника повторяются схожие сюжеты и языковые фигуры»¹.

Однако я хотела бы вернуться во времени назад, что, кстати, в стиле текстов Галы Пушкаренко, и поговорить о наиболее интересной (с моей точки зрения) книге: *Invalid acid: Недопустимая кислота* (2020). Особенное косноязычие автора здесь показало все свои свойства. Есть слово «живородящий» – это действительный залог. Но слова «живорожденный» (страдательный залог) нет, язык предлагает взять несколько слов: рожденный от живого существа живым существом. Но «живорожденный» в поэтическом тексте мне очень нравится. И это – страдательный залог.

Попробую взорвать мозг (подобно тому, как это делает Гала Пушкаренко, хотя именно так все равно не получится) и посмотреть, что или кто оттуда выйдет на предмет

¹ Константин Чадов. «Федератив»: О новой книге Галы Пушкаренко // Литература. 2021. № 182. <https://litteratura.org/criticism/4505-chadov-federativ-o-novoy-knige-galy-pushkarenko.html>

недопустимой кислоты. «Вечность пахнет нефтью». Эту фразу мои ровесники знают в основном по песне «Русское поле экспериментов» Егора Летова. Интернет и сейчас дает скудные сведения о том, что фраза эта была сказана девушкой (и очень нездоровой), на которой впервые было опробовано действие диэтиламид-лизергиновой кислоты или ЛСД. Так было на самом деле или нет, вряд ли я узнаю. Но ЛСД изначально создавали в помощь роженицам – облегчить страдания и снять депрессивные явления. До сих пор послеродовая депрессия считается очень серьезным заболеванием. Ключ тут роды – поэтическое творчество как роды, и поэтическое творчество как наркотик. Гала Пушкаренко появилась на свет в результате синтеза «недопустимой кислоты». Это вполне могла быть не ЛСД, а некое природное соединение, запускающее процесс расщепления. Или – на более официальном языке – анализа. Тотальный анализ и есть недопустимая кислота.

Но вернусь к книге и ее автору.

Это не рецензия, это опыт письменного монолога – пишущего изнутри процесса лица, в этот процесс пока вовлеченного.

Немного контекста для того, чтобы задать темп. Современный литературный процесс для меня довольно предсказуем и скучен, и совсем бы не стоил внимания, если бы не странные молнии, порой в нем возникающие. Что провоцирует их возникновение, какой причинно-следственный импульс (вернее, пучок импульсов, если речь идет о «Недопустимой кислоте» Галы Пушкаренко) – вряд ли можно ответить четко. Но эти явления есть, они выпуклы и ярки, как скульптуры или фрески, и несомненно достойны внимания на фоне общей ровности понтонов и поведения. Устойчивость к яду, толерантность (насилию в любой форме) уже цветет пышным цветом, cancel culture растет и становится все более разнообразной, новые технологии позволяют нейросети имитировать разумное существо. Есть еще масса других явлений, о которых еще недавно говорили громко, а теперь вспоминают лишь иногда и вовсе не потому, что они исчезли (они еще как есть). Но все названное имеет прямое отношение к несомненному художественному явлению, о котором я хочу рассказать (хотя бы сама себе).

Мне нравится понятие «художественное произведение». Оно прекрасно в своей винтажности. Я очень люблю винтаж. Я считаю адекватным времени и настоящей культурной ситуации (чтобы не опускаться до них эмоционально и интеллектуально) минимизировать употребление терминов, уместных в философских или в филологических/аналитических статьях. Читатели книг, подобных «Недопустимой кислоте», уже давно и хорошо знают, что ничего кроме анализа нет, но Лакан все же оставил пространство для маневра – обетованное непонимание, благодаря которому и стал возможен такой «живородящий дом», размером с мегаполис, разросшийся по всей планете.

Гала Пушкаренко действительно уникальное художественное явление. Она прекрасна и неуловима. Каждый читатель чувствует ее силуэт, ее взгляд. Ни цвета глаз, ни цвета волос или одежды читатель не видит, но тембр голоса, ритм походки, взгляд, силуэт ее мгновенно запоминаются. Исключительно благодаря характеру ее текстов: заголовкам (пример: Афродита Катаскопия), разбивкам (открыт новый цикл, а нумерация продолжается как в прежнем), знакам (порой латинским), мерцающим то там, то здесь.

Опыты Галы Пушкаренко отмечены вниманием в высокой степени – и читателей социальных сетей, и рецензентов. Гала Пушкаренко полна дружелюбия, она, несомненно, эмпат, она общительна и при этом успевает в жизни очень много: работает, борется с болезнью, создает облака текстов. Когда я делала первую ее публикацию «На Середине Мира», она выслала мне свое фото (в стиле НЙ шестидесятых, как я люблю) и назвала родным городом Донецк, что дорогого стоит.

И тем не менее Галы Пушкаренко как человека нет. Искусственный интеллект (хотя бы в варианте «Лактата Гагарина») не может создать ничего подобного – у него нет того опыта и тех компетенций, которые дает такой опыт. Гала Пушкаренко – чистой воды

художественное произведение сама по себе, и не менее интересна, чем ее тексты. Это человек, созданный человеком и использованный до состояния фантома. Здесь не Черубина де Габриак и не Абрам Терц. Это вполне самостоятельное явление социальной и культурной жизни. Мне странно, что во всех рецензиях делают упор на гетероним/ортоним. Но мне видится, что если бы Гала Пушкаренко сама по себе не была бы художественным произведением, внимание к текстам не было бы настолько выраженным и разнообразным.

Интересно: о поэзии (а это *poesis* как он есть) Галы Пушкаренко пишут в основном авторы молодые (Алексей Масалов², Константин Чадов – см. выше), уже искушенные предыдущим слоем, вмещающим и поразительную Нику Скандиаку, и ученую Евгению Суслову, и провокационного Никиту Сафонова. Такое внимание от людей, избалованных технологичными пирожными и утомленными излишней рефлексией, стоит дороже нового средства связи.

И Масалов, и Чадов в своих текстах фокусируются на том, что Гал Пушкаренко (то есть источников говорения – моя вольная интерпретация) несколько. Константин Чадов: «Особенность машин Шатыбелко/Пушкаренко в том, что они работают сразу за нескольких “человек”. Гала Пушкаренко дифференцируется, вырабатывая все новые способы письма (сам автор обозначает их примерное число: 7-8 штук). Такая пролиферация текстов и поэтик ставит вопрос о том, где, как и кому произвести в этих машинах срез; вопрос тем более острый, что на кону – статус сборника как одной из возможных поэтических величин». Алексей Масалов сформулировал почти лапидарно: «“Invalid acid” погружает читателя в концептуальное пространство (бленд) жанровых форм и дискурсивных практик». Мне очень понравилось слово «бленд» в рассказе о поэтической книге. И Феликс (Гваттари) нам всем в помощь.

Оба рецензента (я выбрала их работы, потому что вижу их наиболее показательными и интересными) говорят о чем-то вроде облака или поля (и порой за их высказываниями мне видится нечто, что можно определить примерно – как поле Галуа в высшей алгебре, но только в современном языке). Мария Малиновская с едкой подробностью описывает свой опыт прочтения текстов Галы Пушкаренко так: «...У которого (Галы Пушкаренко) «б-г», однако, важнейшее звено в сложнейших и иногда случайных, как бросок костей, смысловых цепочках и также находится в одной плоскости с человеком и даже с его выпущенными на волю аффектами»³.

И действительно: массы текстов (или сложенных в уравнение произвольной степени знаков) тянутся к радикалам, этим корням энной степени, чтобы, наконец, получить какое-то решение, пусть не окончательное для всей системы. Сколько ни читаю тексты Галы Пушкаренко, не могу отделаться от мысли, что присутствую при диалоге личности и системы, при их взаимообмене. Тут не просто игровая перемена мест или отголоски *травмы* (невероятно трендовое слово, но, кажется, его скоро заменят другим). В этом взаимодействии «личность – система» возникает нечто подлинно ужасное, невероятно жизнеспособное, имеющее харизму манипулятора и все инструменты манипулирования (но, вероятно, еще не все). В этом хаосе молний есть нечто профетическое.

Рецензенты обращают внимание на то, как текст «Недопустимой кислоты» сложно градуирован, ищут конструкцию/деконструкцию. И правильно делают. Но, на мой глаз, каждая масса текста, тонко и четко отграниченная номером и названием, тянется к одному (часто небольшому) тропу, и когда его находишь – испытываешь подлинную радость чтения. Специально такой троп ни создать, ни выискать нельзя. Он возникает как качели – непонятно откуда и сам по себе, и он же является чем-то вроде решения текстового уравнения произвольной степени/облака тегов текста.

² Алексей Масалов. Метапозиция Галы Пушкаренко // TextOnly. № 52, 1/21.

<http://textonly.ru/case/?issue=52&article=39325>

³ Мария Малиновская. Стадия зеркала // Артикуляция. № 18. <http://articulationproject.net/13861>

Еще рецензенты (и не только названные) отмечают мультикультурность текстов «Недопустимой кислоты», где из-под слоя девятнадцатого века вдруг выскакивает двадцать первый век, таща за собой обрывки радио и телепередач двадцатого. Такая насыщенность в поэтических опытах современности не новость, но как это делает Гала Пушкиренко – заслуживает особенного внимания. В этих текстах не просто брошенные кости, привет Блезу Паскалю, – это четкая работа генератора Ван дер Граафа, это именно пучки импульсов, создающих поле.

Вот пример из самого начала книги. Для меня ключ к этому облаку – «ничто обратного». Далее идет процесс вокруг этого тропа.

I

Нас создаёт ничто обратного: создаёт исчезновение
Я напечатана в комнате чёрным по зачёркнуто-белому

Маленькие человечки
Чёрточки точки
Больные и маленькие чёртовы человечки
Либо иней либо автоматический ельник мельком

в комнате с выключенным звуком и скоростью света
осторожно французский: attentio'n gravité

Их не жалко: совсем не жалко:
похищение европы: похищение собинянок
Время отрицательное к себе: ложь невырубленная топором

Маленькие и большие арабески
ещё летящие в комнате со скоростью себя
плюс скорость комнаты, дома и планет в пустоте

– этот зуб больной зуб наблюдает субъекта
разумная боль солярис говорит: отъебись от меня:

я кручу комнату как кубик рубрика: виновен вашество
я собираю исчезновение речи вокруг анатомии вишнёвого сада

В девяностые я бывала в компании людей, воображавших себя эстетически развитыми и любившими завиральные идеи о развитии языка. Это был один из основных вопросов беседы: как будем говорить? куда будем развиваться? Тогда же мне попала в руки книжка «Парадигматические средства выражения русского языка». Одна из основных мыслей автора была следующая: парадигматические средства противостоят синтагматическим. Не знаю, насколько мысль верна, но для поэта антиномия очень вкусная. В текстах Галы Пушкиренко (а особенно в «Недопустимой кислоте») преобладают синтагматические средства выражения, а если есть парадигматические (без них русский язык не обойдется), то они в умеренном количестве и ярко возникают внутри синтагмы.

Мы должны говорить из спокойствия и тишины

Вводное существо говорит: ну,
общайся с человеком из допущения:
с этим человеком ты трахалась

*этот тебя изнасиловал
этого изнасиловала ты
этого ты хотела убить
этого планировала любить
от этого ничего не осталось
седьмая: дочь тебя*

Почти каждый фрагмент «Недопустимой кислоты» имеет точный размер и координаты в книге (то есть, молния ударила в определенное место и опалила три (или четыре) дерева), а уже внутри фрагмента происходит броуновское словесное движение. Я готова признать свое мнение неточным, но оно в любом случае эстетично.

Что касается поэта Олега Шатыбелко, создавшего Галу Пушкаренко (как Галатею, и, как профессор Генри Хиггинс, учившего ее говорить), этот живорожденный дом, то я бы даже рекомендовала молодым авторам его тексты как наиболее интересные для изучения наиболее актуальных процессов литературного языка и просто для удовольствия чтения. И конечно книги и фб Галы Пушкаренко. Уверяю, она «полна тайн» (если кому-то что-то еще говорит этот мем).